

Людмила Алексеевна Черная родилась в 1951 г. в г. Люберцы Московской области. Окончила исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Доктор исторических наук, профессор. Автор книг «Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени» (М., 1999), «Культурология: основы теории» (М., 2003), «История культуры Древней Руси» (М., 2007), а также 9 коллективных монографий и 130 статей и публикаций по истории русской культуры.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОД
ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Л. А. Черная

Л. А. Черная
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
КОД
ДРЕВНЕРУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ

STUDIA HISTORICA

Л. А. Черная

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОД
ДРЕВНЕРУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 63.3(2)46-7
Ч 49

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 07-04-16054

Черная Л. А.

Ч 49 Антропологический код древнерусской культуры. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 464 с. — (Studia historica).

ISBN 978-5-9551-0269-6

На основе философско-антропологического подхода автор предлагает свою типологию и периодизацию древнерусской культуры, позволяющие проанализировать историко-культурный процесс через смену антропологических кодов: телесный код в языческие времена; доминирование «души» в решении проблемы человека в период принятия и утверждения христианства; признание познающего разума как сущности человеческой природы в переходный период от Средневековья к Новому времени.

ББК 63.3(2)

*В оформлении переплета использованы
фрагмент картины «Конный портрет Алексея Михайловича» (неизвестный русский художник, 2-я пол. 1670-х — 1-я пол. 1980-х гг.);
пелена «Вынос иконы Одигитрия в Вербное воскресенье» (мастерская
Е. С. Волошанки. Москва, 1498)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0269-6

© Черная Л. А., 2008
© Языки славянских культур, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I	
Философско-антропологическое осмысление культуры	31
1. Антропологизация теории культуры	31
2. Философско-антропологический подход к феномену культуры	40
3. Философско-антропологическая типология и периодизация культуры	48
Глава II	
Телесный код языческой культуры	62
1. Представления о телесности мира	67
2. Телесный код человека	90
3. Основные принципы культуры периода «Тела»	107
Глава III	
Принятие христианства: переходный период	129
1. Мир как Творение	129
2. Человек как Душа	143
3. Формирование «душеполезной» культуры	166
4. Личностный тип культуры XI—XIII вв.	186
Глава IV	
Расцвет культуры «Души»	204
1. Особенности развития Руси во второй половине XIII—XV вв.	204
2. Гармония «внутреннего» и «внешнего» человека	216
3. Апогей средневековой культуры	239
Глава V	
Кризис культуры «Души» в XVI в.	268
1. Формирование культуры внеличностного типа	268
2. Торжество «чина» в культуре	290
3. Замкнутость и статичность культурной системы	315

Глава VI

Переход от культуры «Души» к культуре «Разума»	333
1. Новое решение проблемы человека	333
2. От старины к новизне	361
3. Динамичность и открытость культуры	387
Заключение	410
Литература	420
Указатель имен	451

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусская культура — это огромный закодированный текст, требующий своего декодирования. Еще В. О. Ключевский был уверен в том, что без проникновения в код древнерусской культуры исследователь обречен на непонимание сути происходящего в ней: «Мы, сторонние и равнодушные наблюдатели склада и формы чуждой нам и удаленной от нас жизни, расположены судить о ней по впечатлению, которое она на нас производит. Не будет ли справедливее, человечнее и научнее брать во внимание при этом суждения и те чувства и соображения, с какими работали над этой жизнью ее строители, и те впечатления, которые на них производила их собственная работа? Чтобы понимать своего собеседника, надо знать, как сам понимает он слова и жесты, которыми с вами объясняется, а обычаи и порядки старой жизни — это язык понятий и интересов, которыми старинные люди объяснялись друг с другом и объясняются с нами, их потомками и наблюдателями»¹.

На протяжении прошлого и нынешнего столетий мировая наука выработала аксиологический, цивилизационный, деятельностный, семиотический, герменевтический, игровой и другие подходы, ставящие своей задачей постижение культуры. Сразу следует оговориться, что только при совокупности всех и всяческих подходов можно приблизиться к истинному пониманию столь сложного феномена, каким является культура. Любой метод, используемый вне связи с остальным и подходами, относителен и приведет к относительным же результатам. Разрабатывая философско-антропологический подход к истории культуры, я отдаю себе отчет в его ограниченности и не претендую на истину.

Ключ к антропологическому коду древнерусской культуры складывается из философской антропологии, дополненной исторической, социальной и гендерной антропологией. Он включает в себя также элементы социальной психологии и многих других научных дисциплин и направлений, связанных с изучением человека. Философская антропология позволяет создать обобщающую, панорамную

---

¹ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. VIII. С. 476.

картину, как бы написанную крупными мазками без прорисовки деталей и передачи оттенков и нюансов, картину, на которой должно уместиться многовековое наследие русской культуры вплоть до начала XVIII столетия. Историческая, социальная и гендерная антропология позволяют уточнять детали этой картины, «прописывать» подробности историко-культурного полотна в определенные временные отрезки и на отдельных участках. В целом же антропологический подход дает как бы «внутренний» ключ, кроющийся в самом человеке, к дешифровке столь богатой, разнообразной и одновременно склонной к умалчиванию о себе древнерусской культуры.

* * *

История изучения древнерусской культуры насчитывает уже более двух с половиной столетий. У ее истоков стоял, по-видимому, В. Н. Татищев, создавший первую в России историко-культурную периодизацию «всемирного умопросвещения»². В «Разговоре дву[x] приятелей о пользе науки и училищах» Татищев не только доказывает практическую и нравственную пользу знания, утверждая, что «наука — главная есть, чтоб человек мог себя познать...» [70], но и предлагает свою интерпретацию культуры как просвещения. Первый этап в развитии культуры он связывает с «обретением письма», то есть изобретением письменности: «...начались книги, в которых гистории прешедших времен или учения к нашей пользе представлялись» [71]. Второй этап всемирного умопросвещения ученый определяет как эру «пришествия и учения Христа». Это «другое великое переменение», по словам мыслителя, дало возможность человечеству познавать Бога через видимый мир: «Истинно есть, что человек по естеству познать Бога способность имеет, если токмо внятно и прилежно о том помыслит, к чему нам сей видимый мир за наилучшую книгу служить может...» [73]. По Татищеву, недостаток просвещения послужил причиной того, что ученые, совершавшие научные открытия мирового масштаба, подвергались преследованию церкви и общества: «высокого ума и науки людей, ...как то Вергилий епискуп за учение, что Земля шаровидна, Коперникус за то, что написал Земля около Солнца, а месяц около Земли ходит, Картезий за опровержение Аристотелической филозофии и за учение, чтоб все сущими доказательствы, а не пустыми силлогисмы

² Татищев В. Н. Избр. произв. Л., 1979. С. 51. Далее ссылки даны в тексте в скобках.

доводить, Пуфендорф за изъяснение естественного права... прокляты, афеистами оглашены и книги их употреблять запрещены были» [75]. Третий период в развитии мировой культуры Татищев связывал с изобретением книгопечатания («тиснения книг»): «Через тиснение же изданные хотя б во сте местах погибли, то еще в 1000 и более таковы ж целы останутся, как то по обретении тиснения в скорости множество полезных древних книг немалым числом стали печатать, а чрез оныя всяк имея, способнее к распространению наук прилежать стали, многия училища и академии по разным местам устроены и чрез оные большой свет истинного разума открыли...» [78].

Если следовать периодизации Татищева, то древнерусская культура охватывала все три стадии — изобретение письменности, принятие христианства и начало книгопечатания — все они попадают в хронологические рамки Древней Руси. Но еще задолго до изобретения письменности уже существовала культура, питавшаяся языческими представлениями. И именно языческий пласт народных преданий, сказаний, сказок, суеверий, фольклора в целом ассоциировался во второй половине XVIII в. с древнерусской культурой, которую начали собирать, систематизировать и изучать. Тогда же, во времена Екатерины II, появилось и деление истории России на «древнюю» и «новую», граница между которыми приходится на время реформ и преобразований Петра Великого. И кн. М. М. Щербатов, и Н. М. Карамзин употребляли эти определения, вкладывая в них морально-этический смысл: Древняя Русь связывалась с нравственным состоянием русского общества, новая — с «повреждением нравов», вызванным западным влиянием. «Новые обычаи» привели к разрушению «гражданской нравственности»³.

Западноевропейская культурологическая мысль XVIII столетия предлагала антропологическую периодизацию, разделяя историю мировой культуры на периоды, соотносимые с возрастом человека (младенчество, юность, зрелость, старость). Русские авторы знали и использовали эту периодизацию. Так, Н. М. Карамзин, оценивая русскую культуру в целом, приводил образ «пылкового юноши», у которого уже пройден путь ученичества, но еще впереди период свершений. В статье «О любви к Отечеству и народной гордости»

³ См.: *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России // Сочинения. СПб., 1898. Т. 2. С. 133—134; *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914.

(1802 г.) он писал: «...как человек, так и народ начинает всегда подражанием, но должен со временем быть сам собою, чтобы сказать: я существую нравственно. ...Хорошо и должно учиться, но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником! До сего времени Россия беспрестанно возвышалась, как в политическом, так и в нравственном смысле. Символ наш есть пылкий юноша: сердце его, полное жизни, любит деятельность, девиз его есть труды и надежда!»⁴. Столь же психологичны и образны зарисовки древнерусского быта и культуры, попавшие на страницы карамзинской «Истории государства Российского».

П. Я. Чаадаев своим «Философическим письмом» взорвал русскую общественную мысль своего времени. Говоря, что «исторический опыт для нас не существует», что «стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода», Чаадаев рисовал мрачную картину Древней Руси, которая жила «идеями почвы», а не «идеями человека», которая «утомилась» обрядностью и одиночеством вне «великой семьи христианских народов»⁵. Философ в определенной мере спровоцировал появление славянофильской концепции развития древнерусской культуры, противопоставленной «западникам». К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков и другие теоретики славянофильства развивали тезис, что для русского народа в силу национального характера приоритет имеют не политические и государственные отношения, а религиозно-духовные. И. В. Киреевский в двух главных статьях («О характере европейского просвещения в его отношении к просвещению России» (1852); «О возможности и необходимости новых начал в философии» (1856)) поставил вопрос о самоопределении русской культуры. По его мнению, ее основные отличия от западноевропейской культуры заключаются в разных духовных, культурных и исторических корнях: «Три элемента Запада: римская церковь, древнеримская образованность и возникшая из насилий завоевания государственность — были совершенно чужды древней России. Приняв учение христианское от Греции, она постоянно находилась в общении со вселенскою церковью». Видя в древнерусской культуре «огромное согласие всей русской земли, имеющее над собою великого князя», особую нравственную «образованность», мыслитель ставил закономерный вопрос: почему же «образован-

⁴ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 97

⁵ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 44—45.

ность русская не развилась полнее образованности европейской прежде введения в Россию просвещения западного?». Ответ Киреевский видел в том, что «полнота и чистота христианского учения» сливались с наружной формой общественного и частного быта, а посему «человеку легко было смешать их значительность и наружную форму уважать наравне с ее внутренним смыслом»⁶.

К. С. Аксаков в статьях «О русском воззрении», «Еще несколько слов о русском воззрении» и других утверждал, что русский народ — «негосударственный», «христианско-человеческий» по духу своему и ему подходит только православная самодержавная монархия как единственно приемлемая форма власти. Русский народ развивается по «пути внутренней правды», опирающейся на православные нравственные устои, на «землю» (общину), и этим он резко отличается от Запада, живущего по «внешней правде» политико-правового государства. Освобождение от «умственного плена» Аксаков видел в обращении к древней русской истории и культуре⁷. Работы славянофилов способствовали тому, что древнерусскую культуру воспринимали как нечто цельное, монолитное и незыблемое.

Воззрениям славянофилов противостояли «западники», к разряду которых следует отнести С. М. Соловьева. Считая географический фактор наиболее значимым в развитии того или иного народа, Соловьев указывал, что в Древней Руси «физической разбросанности, разрозненности народа соответствовала нравственная несплоченность общества и потому невозможность выработать крепкие нравственные границы для сил, которым предоставлялся широкий степной простор». Все отношения в древнерусском обществе основывались на «личной силе»: «человек безусловно подчинялся более сильному и в то же время безусловно подчинял себе менее сильного, и таким образом преобладающим отношением было отношение господина к рабу». Большое значение в развитии «духовных сил народа» ученый придавал образованию и науке. Отсутствие последних в России долгое время «задерживало» развитие ее культуры, «отнимало возможность самостоятельно относиться к каждому явлению, проверять его, отличать истинные авторитеты от ложных».

⁶ Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1911. С. 182—183.

⁷ Аксаков К. С. Соч.: Эстетика и литературная критика. М., 1995. Т. 1. С. 315—322. См. также: Теория государства у славянофилов: Сб. ст. СПб., 1898; Герцен А. И. Былое и думы: В 2 т. М., 1988. (Гл. XXX); Лосский Н. О. История русской философии. М., 1994; Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986.